Друг молодости Чернышевского

Александр ЛЕЙФЕР

В студенческие годы Николай Чернышевский вел дневник. Он был впервые опубликован через восемьдесят лет после написания — в 1928 году. Первая фраза записи, датированная маем 1848 года, такова: «В конце апреля 1848 года сказал мне Василий Петрович Лободовский, что он женится; невеста — дочь станционного смотрителя...»

И далее на протяжении двух лет имя Лободовского появляется чуть ли не на каждой странице. Чувствуется, что Лободовский был в то время для будущего автора «Что делать?» непререкаемым авторитетом.

Позднее Чернышевский признавался в одном из писем: «...Это человек, которого я люблю от души и уважаю, как никого почти; я его так уважаю, что в разговоре с ним конфужусь за свой ум, чего со мною не бывает в других случаях никогда... Я ставлю его на одну доску с Диккенсом, Ж. Зандом... Лессингом, Фейербахом и с другими немногими...»

Восторженный поклонник Гоголя, бедняк-разночинец Василий Лободовский жаждал революции. «Он,— читаем в дневнике Чернышевского,— сильно говорил о том, как бы можно поднять у нас революцию, и не шутя думает об этом: «Элементы, говорит, есть, ведь подымаются целыми селами и потом не выдают друг друга, так что приходится наказывать по жребию, только единства нет...»

Имя Лободовского иногда мелькает в работах омских краеведов. В фонде кадетского корпуса, хранящемся в областном госархиве, есть несколько его послужных списков. Последний датирован 1872 годом. Сведения, содержащиеся в этом документе, весьма скупы, но все-таки...

«48 лет от роду» — т. е. на четыре года старше Чернышевского. Служебная канва такова. 1842 год — писец второго разряда Харьковского губернского правления, 1845 — служба в Курском губернском правлении, 1852 — учитель русского языка и словесности во 2-м кадетском корпусе. В 1857 году его переводят в Сибирский кадетский корпус «на ту же должность». Затем последовало повышение — утвержден наставником-наблюдателем «по предмету русского языка».

Василий Петрович был, как выражались в те годы, обременен большим семейством. Дочь станционного смотрителя Надежда Егоровна родила ему восемь сыновей и одну дочь. Больше из послужного списка при всем желании ничего «выжать» нельзя.

В кратком историческом очерке Сибирского кадетского корпуса Лободовскому уделена целая страница.

«...оставил по себе память человека, глубоко преданного служебному долгу, строгого и требовательного преподавателя.

Любя свой предмет и веря, что художественные произведения наших писателей — великая сила при воспитании юношества, он широко знакомил воспитанников с образцами классической русской и иностранной литературы. Будучи при этом прекрасным декламатором и отличаясь талантом ораторского искусства, он производил глубокое впечатление на учеников».

А дальше идет предложение, которое явно не соответствует тому торжественно-приподнятому «штилю», которым написан весь «Очерк»: «Впоследствии Василий Петрович сделался необщительным с товарищами, тяжелым с кадетами и оригиналом в обществе».

«Несмотря, однако, на эти болезненные проявления личности,— спохватываются авторы,— он по своим внутренним убеждениям был высоко идеальным человеком, стремившимся разрешить и осмыслить самые разнообразные вопросы жизни».

Совершенно неожиданно я встретил имя Лободовского в книге Корнея Чуковского «Мастерство Некрасова». К. Чуковский приводит Лободовского как «житейский, бытовой, внелитературный пример... революционизирующего влияния Гоголя... в тот наиболее тяжелый период реакции». А затем Чуковский написал фразу, которая заставила меня провести не один день в библиотеке: «К литературе этот человек (т. е. Лободовский.— **А. Л.**) не имел никакого касательства, если, впрочем, не считать мемуаров, которые он написал уже в старости».

После долгих поисков на стол легли номера журнала «Русская старина» периода первой русской революции с напечатанными в них «Бытовыми очерками В. П. Лободовского».

Мемуары весьма своеобразны. Лободовский пишет в третьем лице, дав себе новое имя — Савва Саввич Перепелкин, учитель словесности, приехавший из Петербурга в сибирский город.

И вот герой «Бытовых очерков» приступает к преподаванию. Он недоволен тем, что лекции приходится читать в малоприспособленных, невзрачных помещениях, но зато приятно удивлен, что его новые питомцы, в отличие от столичных, более любознательны, восприимчивы и самостоятельны.

Перепелкин добивается, чтобы выписываемые газеты и журналы читали не только высшие начальники корпуса, но и все преподаватели. Он борется против применения розог. Организует литературные вечера для местной интеллигенции. Комментируя «Мертвые души», он цитирует Белинского.

Многие из омских обывателей узнали себя в Коробочках, Чичиковых и других персонажах «Мертвых душ». И после второго литературного вечера кто-то бросил в Перепелкина камнем. С этого и начались для него неприятности. Посыпались анонимки, начались сплетни, клевета. Его обвиняют в следовании идеям Канта, представляют на маскараде в виде осла. Травят обучающихся в корпусе его сыновей, и их приходится оттуда забрать.

Растут долги. Развивается болезнь глаз. И травля, травля... Неправильно начисляют прибавки за службу в Сибири, издеваются, узнав, что он решил написать сочинение «Русский Дон Кихот»...

Судя по всему, из Омска Лободовский вынужден был уехать. Когда это произошло? Был ли здесь Лободовский в октябре 1833 года, когда через Омск из Вилюйска в Астрахань провозили Чернышевского? Были ли у старых друзей в течение всех этих лет попытки общения? Куда уехал Лободовский из Омска? Какова его дальнейшая судьба?

Ничего этого мы не знаем.

„Уральский следопыт", 1989, № 9